

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–84
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–84

Научная статья
УДК 316.6:159.9
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения

Е. В. Рягузова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Аннотация. В статье представлены результаты теоретической рефлексии различных психологических механизмов (автоматизирующий конформизм, деиндивидуализация, деперсонализация), сущность которых сводится к утрате личностью собственного Я как ключевой точки отсчета в конструировании и познании социального мира. Показано, что личностное Я вытесняется гипертрофированным Мы как атрибутивным свойством группового сознания, которое опирается на идею избранности и превосходства. Утверждается, что функционирование перечисленных механизмов приводит к разрыву связей в личностных репрезентациях взаимодействия Я – Другой как фундаментальном основании социальности, повышая риски актуализации экстремистского поведения личности. Установлено, что разрыв связей обусловлен отсутствием у личности необходимости и стремления к различению себя и Другого, утратой возможности чувствовать Другого и сопереживать ему, что актуализирует равнодушие и безразличие к ингрупповому Другому, отвращение и жестокость по отношению к аутгрупповому Другому, а также приводит к редукции способности познавать себя через Другого, вступать в диалог с ним и амплифицировать собственное развитие и самопознание. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в возможности использования результатов проведенного анализа для разработки профилактических социально-психологических программ и тренингов, направленных на предупреждение экстремизма, терроризма и религиозного радикализма в молодежной среде.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, Я – Другой, тотальный разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой, автоматизирующий конформизм, деиндивидуализация, деперсонализация, слияние идентичностей, внутриличностный конфликт

Для цитирования: Рягузова Е. В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 78–84. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

The gap of ties in representations of interaction I – Other as a predictor of extremist behavior

Elena V. Ryaguzova, rjaguzova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Abstract. The article presents the results of theoretical reflection of various psychological mechanisms (automating conformism, deindividuation, depersonalization), the essence of which boils down to the loss of a person's own self as a key reference point in the construction and cognition of the social world. It is shown that the personal I is supplanted by the hypertrophied We as an attributive property of group consciousness, which is based on the idea of being chosen and superior. It is argued that the functioning of the listed mechanisms leads to the gap of connections in personal representations of I – Other interaction as the fundamental basis of sociality, increasing the risks of actualizing the extremist behavior of the individual. It has been established that the breaking of ties is due to the personality's lack of need and desire to distinguish between oneself and the Other, the loss of the ability to feel the Other and empathize with him, which actualizes indifference to the in-group Other, disgust and cruelty towards the outgroup Other, and also leads to a reduction in the ability to know oneself through the Other, to enter into a dialogue with him and to amplify one's own development and self-knowledge. The applied aspect of the problem under study is the possibility of using the results of the analysis for the development of preventive socio-psychological programs and trainings aimed at preventing extremism, terrorism and religious radicalism in the youth environment.

Keywords: terrorism, extremism, I – Other, total gap of ties in representations of I – Other interaction, automating conformism, deindividuation, depersonalization, merging of identities, intrapersonal conflict

For citation: Ryaguzova E. V. The gap of ties in representations of interaction I – Other as a predictor of extremist behavior. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 78–84 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-1-78-84>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Введение

Среди глобальных вызовов современного мира терроризм и экстремизм однозначно определяются как тотальные угрозы национальной безопасности любого государства, риск уничтожения политического строя, экономических достижений и самобытной культуры, материальных ценностей и артефактов, человеческих жизней и цивилизационных перспектив, опасность негативной трансформации качества жизни людей и удар по их ценностно-смысловой сфере. Исходя из этого, можно констатировать, что экстремизм как приверженность крайним способам поведения, выходящим за пределы норм человеческого существования и сосуществования с Другими, и терроризм как принятие и оправдание насилия в отношении Других должны позиционироваться и категоризироваться как неприемлемые для всех социальных акторов. Вместе с тем в XXI в. террористические и экстремистские организации, осуществляющие насильственные действия локального характера, трансформируются в глобальную хорошо финансируемую сеть с четко организованной структурой, использующие, помимо жестких форм (взрывы, захваты заложников, публичные казни), все возможные информационные ресурсы, добавляя к известным видам терроризма (религиозный, политический, идеологический) информационный и кибертерроризм.

В современном мире терроризм и экстремизм превращаются в масштабные и технологически оснащенные явления, а численность подобных организаций с каждым годом увеличивается. Так, по некоторым данным, состав радикальной исламистской группировки ИГИЛ (Исламское государство) достигает 40–50 тыс. чел. [1].

Кто эти люди, которые возглавляют и добровольно вступают в экстремистские организации и террористические группы? Каковы их доминирующие мотивы? Почему они готовы пожертвовать собственной жизнью ради групповых идей и целей? Что составляет содержание их личностной и социальной идентичности?

До недавних пор ответы на эти вопросы формулировались достаточно просто. Лидеру экстремистских и террористических групп атрибутировались черты экзальтированного человека, харизматического фанатика, имеющего серьезные нарушения и отклонения в психической сфере. Члены подобных групп и организаций рассматривались как малообразованные, агрессивные, жестокие зомбированные и зависимые люди с патологическими акцентуациями характера. С одной стороны, такое объяснение минимизировало значение и значимость социальных и политических требований, выдвигаемых терро-

ристами и экстремистами, несколько (насколько это возможно) снижало шок и катастрофичность результатов их действий, по-своему объясняя и интерпретируя их. Однако, с другой стороны, это значительно упрощало и искажало содержание социальных представлений о террористических и экстремистских организациях, затрудняло выявление и идентификацию потенциальных террористов, способствовало вовлечению новых членов в группы подобного рода [2, 3].

В современных научных исследованиях такая упрощенная точка зрения не поддерживается. В них убедительно доказывается сложная полидетерминированность радикального экстремизма, которая включает в себя социальную напряженность, нестабильность, неопределенность, стигматизированную социальную изоляцию группы, ее статус, воспринимаемую дискриминацию [4–7]. В современных исследованиях изучаются доминантные характеристики экстремистских групп, такие как убежденность в моральном авторитете группы, вера в правильность групповой идеологии, ориентация на защиту группы, которой угрожают [8]; описываются психологические профили типичных представителей террористических и экстремистских групп [3], их ключевые характеристики – амбивалентное отношение к власти, приверженность групповым ценностям и нормам, аффективное дистанцирование от последствий совершенных действий; суеверие, вера в волшебство, искаженная картина мира, восприятие оружия как фетиша [9]; исследуются последствия террористических атак и переживания террористической угрозы [10]; разрабатываются эффективные меры управления рисками ксенофобии, противодействия распространению идеологии терроризма [11].

Целью данного исследования выступает теоретическая рефлексия психологических механизмов, действие которых приводит к разрыву связей в личностных репрезентациях взаимодействия Я – Другой как фундаментальном основании социальности, повышая риски актуализации экстремистского поведения личности.

Психологические механизмы, способствующие разрыву связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой

Экстремистские организации не однородны по своему составу, но они стремятся к унификации членов группы и их стандартизации, поскольку усредненный человек, по точному определению П. Рикера, «человек без лица» [12], более восприимчив к групповым целям, нормам и правилам и их точному соблюдению. Безликий человек – один из многих, такой как другие, легко заменяемый и

контролируемый, им проще управлять и его легче убеждать, поскольку его мысли, чувства и поведенческие реакции предсказуемы и предзаданы.

К такой унификации приводит, на мой взгляд, активация психологических механизмов, по сути сводящихся к утрате личностного Я как ключевой точки отсчета в конструировании и познании социального мира, который по-разному обозначается исследователями: автоматизирующий конформизм (Э. Фромм), деиндивидуализация (Л. Фестингер, А. Пеппоун, Т. Ньюком) и деперсонализация (Дж. Тернер в рамках теории самокатегоризации).

Автоматизирующий конформизм описан Э. Фроммом как один из механизмов бегства человека от свободы, приводящий к замещению подлинной личности псевдоличностью, которая исполняет определенную роль в соответствии с ожиданиями группы и, по сути, редуцирует собственную личность до ролевой функции [13]. Причины такой редукции Э. Фромм видит в желании человека преодолеть свою малозначимость (ничтожность), по сравнению с огромным миром, наполненным рисками и опасностями, от которых «массовый» человек защищается, усваивая групповые нормы и соответствуя групповому прототипу. В этом случае исчезает дифференциация между Я и не-Я, уходит тревога и страх, а подлинность Я подтверждают другие члены группы. Э. Фромм с грустной иронией пишет: «Пусть человек сам не знает, кто он, но хотя бы другие будут знать, если он будет вести себя так, как им нужно; а если будут знать они, узнает и он, стоит только поверить им» [13, с. 208].

Многие исследователи экстремизма утверждают, что неуверенность личности, утрата ею собственной значимости, субъективное осознание персональной малоценности, снижение позитивности образа Я, а также поиск возможностей их восстановления являются главной мотивационной силой, которая может подтолкнуть личность к насильственному экстремизму [14–16]. Это происходит в связи с тем, что именно в идеологии, основанной на сверхценных идеях и оправдывающей террор и насилие, личность может найти ресурсы для повышения самооценки и собственной значимости, реализовать потребность в уважении, достижении, компетентности и контроле. При этом стремление восстановить собственную и групповую значимость подавляет и обесценивает альтернативные цели, снимает запреты и табу, приводит к девиантному и асоциальному поведению.

А. Круглянский вводит термин «мотивационный дисбаланс», подчеркивая тем самым наличие у личности устойчивой доминирующей потреб-

ности, удовлетворение которой для нее имеет первостепенное значение. Несбалансированное доминирование той или иной потребности способствует напряжению в мотивационно-потребностной сфере личности и расширяет репертуар способов удовлетворения фиксированной потребности, включая ранее неприемлемые. Фиксация на доминанте мешает удовлетворению других потребностей и их блокированию (чаще всего это потребности в безопасности, комфорте, самосохранении) [16].

Рефлексия собственной малоценности может быть вызвана любыми ситуациями, представляющими угрозы для Я-идентификаций, актуализирующими субъективно ощутимый диссонанс между желаемой и актуальной самооценкой личности, уровнем ее самоуважения и самопринятия, ее самопрезентацией и переживаниями негативного опыта. В ситуациях ослабления Я доминирующим выступает мотив самоверификации личности, связанный со стремлением подтвердить или укрепить собственные представления о себе, реализуемый посредством установления обратной связи с Другими, когда их мнения и оценки личности становятся более значимыми, чем ее собственные представления о себе [17].

Ситуации угрозы и ослабления Я включают в себя весь спектр внешних обстоятельств, субъективно воспринятых как опасных для личности и угрожающих ей – от ситуаций, связанных с физической угрозой телесному Я, до длительных психотравмирующих ситуаций, затрагивающих и разрушающих ключевые Я-схемы личности. В недавних исследованиях, направленных на изучение личности осужденных террористов и экстремистов, показано, что характерный для них конверсионный тип профиля личности может быть объяснен наличием в прошлом неотреагированной и не переработанной психической травмы [3].

Деиндивидуализация – полная поглощенность человека социальным контекстом – возникает в сплоченных группах, объективирующих своих членов [18], каждый из которых не только тотально эмоционально вовлечен в группу и привержен ее целям и ценностям, но и сфокусирован именно на группе, не воспринимает ни себя, ни других членов ингруппы как отдельных уникальных личностей. Деиндивидуализация сопровождается снижением уровня самосознания личности, снятием внутренних ограничений и жесткой ориентацией на групповые нормы и стандарты, а степень деиндивидуализации зависит от размера группы, ситуационного контекста (опасность / безопасность, ожидания наказания / вознаграждения), возможности получения групповой поддержки [19].

В рамках нашего анализа важным является то, что деиндивидуализация приводит к ослаблению связей Я – Другой, характеризуется снижением самоконтроля личности, отсутствием необходимости и стремления к различению себя и Другого, утратой возможности чувствовать Другого и сопереживать ему, что актуализирует равнодушие и безразличие к ингрупповому Другому, отвращение и жестокость по отношению к аутгрупповому Другому, а также приводит к редукции способности познавать себя через Другого, вступать в диалог с ним и амплифицировать собственное развитие и самопознание. Вместо этого происходит актуализация гипертрофированного чувства «Мь» как проявление жесткого этноцентризма, наполненного следующим содержанием: избранная группа со сверхценной идеей превосходства и исключительности (групповой нарциссизм и ингрупповой фаворитизм); группа, с которой незаслуженно поступили (акцентирование идеи необходимости восстановления справедливости любой ценой и поиск новых правил); группа, которой извне никто не поможет (фокусирование внимания на идеи недоверия и враждебности к окружающему миру и веры в собственные силы); когерентная группа, целостности и существованию которой в данный момент угрожают (идея уязвимости и объединяющий эффект общего врага); группа, психологическим вознаграждением для которой является радикализация, связанная с изменением убеждений, чувств и поведения в направлении оправдания агрессивных действий, насилия и террора.

Деперсонализация – адаптивный механизм, связанный с нарушениями идентичности личности, ее отказом от собственного Я в пользу коллективного Мы, преобладанием социальных идентификаций в процессе самокатегоризации. Согласно теориям Н. Tajfel [20] и J. C. Turner [21] поведенческий рисунок личности и набор ее идентификаций могут меняться в зависимости от локализации на межличностном – межгрупповом континууме. Более того, существует некий оптимум отличительности, при котором фундаментальные и конкурирующие потребности человека в ассимиляции, включенности в группу, принадлежности к ней («Я похож на других», «Я – часть группы») и дифференциации, отличительности от группы («Я – уникален, исключителен», «Я не такой, как другие») находятся в относительном (динамическом) равновесии, при этом баланс между ними может быть достигнут на групповом уровне через идентификацию с разными группами [22]. G. J. Leonardelli, M. Brewer, C. L. Pickett совершенно обоснованно считают, что личность может удовлетворить одновременно

эти разнонаправленные потребности в том случае, если потребность в социальном включении удовлетворяется личностью внутри ингруппы (групповое включение), тогда как потребность в дифференциации – за счет сравнения с другими группами (межгрупповая дифференциация). При этом размер и композиция ингрупп и аутгрупп, ситуативный контекст, уровень включенности и привлекательности группы имеют существенное значение – личность предпочитает быть включенной и ассимилированной в особенную, эксклюзивную, немногочисленную референтную группу, испытывая удовлетворение от такой инклюзии. Исследователи выделяют разные уровни инклюзивности, полагая, что чем выше уровень инклюзивности, на котором осуществляется самокатегоризация личности, тем более обезличенными становятся ее самооценки [23].

Соответственно, деперсонализация может трактоваться как процесс переопределения себя в групповом контексте при условии, что личность мотивирована и удовлетворена включенностью в группу и принадлежностью к ней, разделяет групповую идеологию и миссию, безоговорочно принимает прототипический образец группы. При этом можно солидаризироваться с мнением ученых, полагающих, что подобное самопереопределение или форматирование идентичности личности не связано с размыванием персональной ответственности каждого за коллективные действия асоциального характера, желанием уйти от персональной ответственности, морально укрыться в группе, а означает следование интернализированным групповым нормам и ценностям [24]. Вместе с тем на индивидуальном уровне разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой приводит к отсутствию персональной ответственности личности перед Другим, самим собой и будущим. На индивидуальном уровне можно говорить о поглощении личностных Я-образов социальными идентификациями.

В рамках анализа экстремистских групп, на наш взгляд, можно констатировать существенный сдвиг идентификаций личности в сторону социальных категорий, что происходит, с одной стороны, в связи с групповыми ожиданиями и приоритетной востребованностью группой именно таких идентификаций, объективацией, имеющей место в группе, связанной с отказом от индивидуальности; с другой стороны, из-за желания самого члена группы быть максимально похожим на групповой прототип и самокатегоризироваться в терминах принадлежности и включенности в группу, эмоциональной вовлеченности и поведенческой приверженности, усиливая ингрупповую

когерентность, аутгрупповое отличие и охрану групповых границ. В данном случае приоритетной является именно аутгрупповая отличительность, а личность стремится стать членом той группы, социальный прототип которой соответствует тому, как она себя видит, оценивает и понимает.

Представляет интерес точка зрения W. B. Swann, A. Gomez, D. C. Seyle, J. F. Morales, C. Huici, согласно которой при полной поглощенности личности группой ее личная и социальная идентичности становятся функционально эквивалентными. Это означает, что активация персональной или социальной идентичности повышает готовность личности поддерживать экстремальное поведение от имени группы, сражаться и умереть за групповые ценности и идеалы, а синергетическое слияние двух форм идентичности приводит к исключительно высокому уровню экстремального поведения [8]. Особо подчеркнем, что авторы настаивают именно на процессе слияния личной и социальной идентичностей, при котором каждая из них может активизировать и направлять групповое поведение, усиливая друг друга.

На мой взгляд, реализация механизма слияния личной и социальной идентичностей как активных и равноправных форм или механизма деперсонализации как поглощения личностных идентификаций социальными во многом зависит от силы самой личности и ее локализации в иерархической структуре организации. Если личность характеризуется тотальной целеустремленностью, фанатичной убежденностью и решительностью, то ее мотивационно мощное личностное Я способно повлиять на групповые процессы, трансформировать групповой прототип и внести изменения в поведенческие сценарии группы. Члены группы с преобладанием социальных идентификаций, обусловленных приверженностью группе, убежденностью в правоте ее моральных императивов и мессианском предназначении, подчиняются принятым групповым нормам, целям и правилам в соответствии с групповым прототипом.

Помимо поглощения и слияния разных видов идентичности, возможен еще один вариант их взаимодействия – конфликт, точнее, внутриличностный конфликт идентичностей, что может выступать в качестве предрасположенности личности к амбивалентному или девиантному поведению. М. Я. Яхьяев, Э. Г. Исаева и А. Р. Сутаева, изучая условия психологической безопасности личности и формирования противостояния деструктивным воздействиям, рассматривают нереализованное Я и внутриличностную конфликтность как слагаемые террористической акцентуации [25]. Соответственно, интрапсихическая конфликтность, противоречивость и несогласованность

я-идентификаций могут привести к осознанию личности своей нереализованности и малоценности, желанию разобраться в собственных проблемах посредством включения и интеграции в жестко организованную группу с четкими целями и способами их достижения.

Выводы

Проведенная теоретическая рефлексия психологических механизмов – автоматизирующий конформизм, деиндивидуализация, деперсонализация – на примере экстремистских групп показала, что в результате их функционирования происходит разрыв связей в личностных репрезентациях взаимодействия Я – Другой. Личностное «Я» перестает осознаваться как ключевая точка отсчета в конструировании и познании мира, уступая место коллективному гипертрофированному «Мы», опирающемуся на сверхценные идеи избранности и особого предназначения, эффекты группового нарциссизма и ингруппового фаворитизма. Преобладание мы-идентификаций сопряжено с отказом личности от индивидуальности, снятием внутренних ограничений, жесткой ориентацией на групповые нормы и соответствие групповому прототипу, а также с исключительно высоким уровнем экстремального поведения.

При этом доминирующим мотивом для личности при общем мотивационном дисбалансе выступает мотив самоверификации, связанный со стремлением подтвердить подлинность и аутентичность личности посредством коммуникации с ограниченным кругом ингрупповых Других, которые не воспринимаются как отдельные уникальные личности, что приводит к отсутствию необходимости различения Я и не-Я, себя и Другого, редуцированию способности личности познавать себя через Другого, вступать в диалог с ним и амплифицировать собственное развитие и самопознание.

Ослабление и разрыв связей в диаде Я – Другой способствуют утрате возможности личности чувствовать Другого и сопереживать ему, что актуализирует равнодушие и безразличие к ингрупповому Другому, нетерпимость к инакомыслию и инаковости, отвращение и жестокость по отношению к аутгрупповому Другому, его дегуманизацию и демонизацию, а также обесценивание человеческой жизни, как собственной, так и чужой.

Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как фундаментальном основании социальности повышает риски актуализации экстремистского поведения личности и приводит к легитимации насилия, оправданию террора и личностным деструкциям.

Список литературы

1. Статистика терроризма. URL: <https://vawilon.ru/statistika-terrorizma> (дата обращения: 29.07.2020).
2. Ениколопов С. Н. Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 28–32.
3. Казберов П. Н., Бовин Б. Г., Фасоля А. А. Психологический профиль террориста // Психология и право. 2019. Т. 9, № 3. С. 141–157. DOI: 10.17759/psylaw.2019090311
4. Донцов А. И., Перельгина Е. Б., Зотова О. Ю., Тарасова Л. В. Психологическая безопасность как интегральный показатель этнической толерантности // Вопросы психологии. 2019. № 5. С. 22–32.
5. Zinchenko Y. P. Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia : State of the Art. 2014. Vol. 7, № 1. P. 23–33.
6. Obaidi M., Kunst J. R., Kteily N., Thomsen L., Sidanius J. Living under threat : Mutual threat perception drives anti-Muslim and anti-Western hostility in the age of terrorism // European Journal of Social Psychology. 2018. Vol. 48, iss. 5. P. 567–584.
7. Тихонова А. Д., Дворянчиков Н. В., Эрнст-Винтила А., Бовина И. Б. Радикализация в подростково-молодежной среде : в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 3. С. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305
8. Seyle D. C. Identity Fusion and the Psychology of Political Extremism, 2007. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/3027/seyled55689.pdf> (дата обращения: 09.08.2020).
9. Почебут Л. Г., Безносков Д. С. Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. 2010. № 1. С. 287–299.
10. Быховец Ю. В., Казымова Н. Н. Современные отечественные исследования психологических факторов переживания террористической угрозы // Психологический журнал 2019. Т. 40, № 3. С. 22–30. DOI: 10.31857/S020595920004542-2
11. Зинченко Ю. П., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Террористический акт как экстремальная ситуация в обществе рисков // Национальный психологический журнал. 2011. № 2 (6). С. 98–111.
12. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика / отв. ред. И. С. Вдовина. М. : АО «Камі»; Издательский центр «Академия», 1995. 160 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Александрова. М. : АСТ, 2018. 288 с.
14. Webber D., Babush M., Schori-Eyal N., Vazeou-Nieuwenhuis A., Hettiarachchi M., Bélanger J. J., Moyano M., Trujillo H. M., Gunaratna R., Kruglanski A. W., Gelfand M. J. The road to extremism : Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization // Journal of Personality and Social Psychology. 2018. 114 (2). P. 270–285. <https://doi.org/10.1037/pspi0000111>
15. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Sheveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization : How Significance Quest Impacts Violent Extremism // Advances in Political Psychology. 2014. Vol. 35, 1. P. 69–93. DOI: 10.1111/pops.12163
16. Kruglanski A. W. Violent radicalism and the psychology of prepossession // Social Psychological Bulletin. 2018. 13 (4), Article e27449. <https://doi.org/10.32872/spb.v13i4.27449>
17. Swann W. B., Gomez A., Seyle D. C., Morales J. F., Huici C. Identity Fusion : The Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 95, № 5. P. 995–1011. DOI: 10.1037/a0013668
18. Loughnan S., Haslam N., Murnane T., Vaes J., Reynolds C., Suitner C. Objectification leads to depersonalization : The denial of mind and moral concern to objectified others // European Journal of Social Psychology. 2010, Vol. 40, iss. 5. P. 709–717. <https://doi.org/10.1002/ejsp.755>
19. Vilanova F., Beria F.M., Costa Á.B., Koller S.H. Deindividuation : From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects // Cogent Psychology. 2017. Vol. 4, iss. 1. URL: <https://tandfonline.com> (дата обращения: 09.08.2020). DOI: 10.1080/23311908.2017.1308104
20. Tajfel H. Social categorization // Introduction à la psychologie sociale / ed. by S. Moscovici. Paris, 1972. № 1. P. 272–302.
21. Turner J. C. Social categorization and the self-concept : A social cognitive theory of group behavior // Advances in group processes : Theory and research / ed. by E. J. Lawler. Greenwich, 1985. № 2. P. 77–122.
22. Brewer M. The Social Self : On Being the Same and Different // Personality and Social Psychology Bulletin. 1991. № 17. P. 475–487.
23. Leonardelli G. J., Brewer M., Pickett C. L. Optimal Distinctiveness Theory. URL: https://www.researchgate.net/publication/241065845_Optimal_Distinctiveness_Theory (дата обращения: 28.05.2020).
24. Reicher S. D., Spears R., Postmes T., Kende A. Disputing deindividuation: Why negative group behaviours derive from group norms, not group immersion // Behav Brain Sci. 2016. № 1. P. 161. DOI: 10.1017/S0140525X15001491
25. Яхьяев М. Я., Исаева Э. Г., Сутаева А. Р. Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 46–59. DOI: 10.17759/sps.2018090204

References

1. Statistika terrorizma (Statistics of terrorism). Available at: <https://vawilon.ru/statistika-terrorizma> (accessed 29 July 2020 (in Russian)).
2. Enikolopov S. N. Terrorism and Aggressive Behavior. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2006, no. 1 (1), pp. 28–32 (in Russian).
3. Kazberov P. N., Bovin B. G., Fasolya A. A. Terrorist's psychological profile [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*

- [Psychology and Law], 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157 (in Russian). DOI: 10.17759/psylaw.2019090311
4. Dontsov A. I., Perelygina Ye. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V. Psychological safety as an integral indicator of ethnic tolerance. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychology], 2019, no. 5, pp. 22–32 (in Russian).
 5. Zinchenko Y. P. Extremizm from the perspective of a system approach. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2014, vol. 7, no. 1, pp. 23–33.
 6. Obaidi M., Kunst J. R., Kteily N., Thomsen L., Sidanius J. Living under threat: Mutual threat perception drives anti-Muslim and anti-Western hostility in the age of terrorism. *European Journal of Social Psychology*, 2018, vol. 48, iss. 5, pp. 567–584. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2362>
 7. Tikhonova A. D., Dvoryanchikov N. V., Ernst-Vintila A., Bovina I. B. Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.17759/chp.2017130305
 8. Seyle D. C. *Identity Fusion and the Psychology of Political Extremism*, 2007. Available at: <https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/3027/seyled55689.pdf> (accessed 9 August 2020).
 9. Pochebut L. G., Beznosov D. S. Psychology of extremism and terrorism as an extreme manifestation of intolerance. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psihologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology], 2010, no. 1, pp. 287–299 (in Russian).
 10. Bykhovets Yu. V., Kazymova N. N. Modern domestic researches of psychological factors of terrorist threat experience. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2019, vol. 40, no. 3, pp. 22–30 (in Russian). DOI: 10.31857/S020595920004542-2
 11. Zinchenko Yu. P., Soldatova G. U., Shajgerova L. A. Terrorist act as an extreme situation in a risk society. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2011, no. 2 (6), pp. 98–111 (in Russian).
 12. Ricoeur P. *Germenevika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics]. Ans. ed. I. S. Vdovina. Moscow, AO “Kamii”, Izdatel'skii Tsenter “Akademiya”, 1995. 160 p. (in Russian).
 13. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, AST Publ., 2018. 288 p. (in Russian).
 14. Webber D., Babush M., Schori-Eyal N., Vazeou-Nieuwenhuis A., Hettiarachchi M., Bélanger J. J., Moyano M., Trujillo H. M., Gunaratna R., Kruglanski A. W., Gelfand M. J. The road to extremism: Field and experimental evidence that significance loss-induced need for closure fosters radicalization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2018, 114 (2), pp. 270–285. <https://doi.org/10.1037/pspi0000111>
 15. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Sheveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The Psychology of Radicalization and Deradicalization: How Significance Quest Impacts Violent Extremism. *Advances in Political Psychology*, 2014, vol. 35, 1, pp. 69–93. DOI: 10.1111/pops.12163
 16. Kruglanski A. W. Violent radicalism and the psychology of prepossession. *Social Psychological Bulletin*, 2018, 13 (4), Article e27449. <https://doi.org/10.32872/spb.v13i4.27449>
 17. Swann W. B., Gomez A., Seyle D. C., Morales J. F., Huici C. Identity Fusion: The Interplay of Personal and Social Identities in Extreme Group Behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, vol. 95, no. 5, pp. 995–1011. DOI: 10.1037/a0013668
 18. Loughnan S., Haslam N., Murnane T., Vaes J., Reynolds C., Suitner C. Objectification leads to depersonalization: The denial of mind and moral concern to objectified others. *European Journal of Social Psychology*, 2010, vol. 40, iss. 5, pp. 709–717. <https://doi.org/10.1002/ejsp.755>
 19. Vilanova F., Beria F.M., Costa Â. B., Koller S. H. Deindividuation: From Le Bon to the social identity model of deindividuation effects. *Cogent Psychology*, 2017, vol. 4, iss. 1. Available at: <https://tandfonline.com> (accessed 9 August 2020). DOI: 10.1080/23311908.2017.1308104
 20. Tajfel H. Social categorization. *Introduction à la psychologie sociale*. Ed. by S. Moscovici. Paris, 1972, no. 1, pp. 272–302.
 21. Turner J. C. Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research*. Ed. by E. J. Lawler. Greenwich, 1985, no. 2, pp. 77–122.
 22. Brewer M. The Social Self: On Being the Same and Different. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991, no. 17, pp. 475–487.
 23. Leonardelli G. J., Brewer M., Pickett C. L. *Optimal Distinctiveness Theory*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/241065845_Optimal_Distinctiveness_Theory (accessed 28 May 2020).
 24. Reicher S. D., Spears R., Postmes T., Kende A. Disputing deindividuation: Why negative group behaviours derive from group norms, not group immersion. *Behav Brain Sci.*, 2016, no. 1, pp. 161. DOI: 10.1017/S0140525X15001491
 25. Yahyaev M. Ya., Isaeva E. G., Sutaeva A. R. Social and psychological aspects of terrorism's counteraction in multi-cultural field. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018, vol. 9, no. 2, pp. 46–59 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2018090204

Поступила в редакцию 12.10.2020, после рецензирования 15.10.2020, принята к публикации 11.12.2020
Received 12.10.2020, revised 15.10.2020, accepted 11.12.2020